

Голик Надежда Васильевна

МУЗЫКА КАК КОМПОНЕНТ ЭТИЧЕСКОГО В КУЛЬТУРЕ: ТЕРАПИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗВЫШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается значение музыкального искусства в современной культуре. Многочисленные коллизии в процессе поиска нравственного содержания мира составили условия продолжающегося духовного кризиса человека. Возможности философского знания в отыскании путей выхода из него оказались недостаточными. Торжеству прагматизма современной цивилизации оказываются способными противостоять только объединенные усилия мыслителей, художников, творцов современного искусства в целом. Музыка, обращаясь к бессознательному нравственному началу личности, играет при этом ни с чем не сравнимую роль.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 70-72. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается значение музыкального искусства в современной культуре. Многочисленные коллизии в процессе поиска нравственного содержания мира составили условия продолжающегося духовного кризиса человека. Возможности философского знания в отыскании путей выхода из него оказались недостаточными. Торжеству прагматизма современной цивилизации оказываются способными противостоять только объединенные усилия мыслителей, художников, творцов современного искусства в целом. Музыка, обращаясь к бессознательному нравственному началу личности, играет при этом ни с чем не сравнимую роль.

Ключевые слова и фразы: музыка; культура; этика; нравственность; авторитаризм; прагматизм; категорический императив.

Голик Надежда Васильевна, д. филос. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
N_Golik@mail.ru

МУЗЫКА КАК КОМПОНЕНТ ЭТИЧЕСКОГО В КУЛЬТУРЕ: ТЕРАПИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗВЫШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Музыка – отвлеченное искусство. Но в нем, хотя и парадоксально, можно обнаружить отражения собственного «Я» в пространстве этического. В нем можно уловить странную способность человеческой души откликнуться Другому (человеку, живому существу, природе) благодаря чуткости, чувствительности, впечатлительности, глубине эмоционального состояния. Здесь мы имеем дело не только со специфическим укладом личности, а с исключительным ее свойством, которое называется нравственным и которым обладают единицы. Его сотворение, «взращивание» и «встраивание» в общество требует особой системы «культивирования».

Частная жизнь – всегда зеркало социального бытия. Все, что происходит в замкнутом мире «Я – Ты», мире общения хотя бы двух человек, есть «макет» отношений общественных. Здесь добродетель сочетается с грехом, добро и зло постоянно меняются местами, раб стремится стать господином, а господин – уничтожить раба. И в то же самое время насилие – постоянно воспроизводимое зло, неуничтожимое и типичное для любых политических режимов и разных государств, от «самых демократических» (США) до «самых тоталитарных» (Германия, СССР). Слово вечный молот, насилие «поставлено» над человеком, для его мучений, оно возникает как будто бы без его участия, воли, желаний и «возрождается за счет собственного расходования» [2, с. 161].

Психология и медицина XX и начавшегося XXI веков убедительно показали, что у человека можно отнять богов, но взамен них непременно появятся другие. На протяжении последних столетий большинство крупных социальных систем, что «демократические», что «тоталитарные», выбрали новыми «кумирами» все то, что достигается прагматической установкой рассудка. Тотальная ставка на полезность неумолимо ведет к «расколдованию мира». Отсутствие в нем полноты божественного – причина утраты ясного ответа на вопрос: кто есть человек и зачем он? В недрах человеческой природы присутствует нечто иррационально-данное – неодолимое стремление, ожидание особого опыта переживания, по-разному именуемое в разных источниках, но свидетельствующее о необходимости осуществления и применения знания и веры. Произошедший «раскол» того и другого отражен и в душе человека, и в структуре социума.

Каждое общество создает цивилизацию и культуру. Если выразиться образно, то «цивилизация» – тело, «культура» – мозг социального организма. Но что такое душа, душа как нечто абсолютное, всепроникающее, пронизывающее и мозг, и тело? Душа культуры – нравственность. Не локализованная в пространстве, не стареющая во времени, везде и нигде, она обнаруживает и являет себя особым миром ценностей.

На протяжении всей истории цивилизации и культуры нравственность предстает мучающейся, страдающей от ощущения неприкаянности и «сиротства», одновременно с этим устремленной к идеалу как высшему пределу человеческих возможностей. Парадоксально, но именно в ситуации современного кризиса культуры, когда рушится мир всех прежних ценностей, а переживание разрыва бытия и его смыслов достигает своего максимума, для нравственности как души культуры наступает «звездный час». О ней все вспоминают, и все скорбят об ее отсутствии.

Благодаря учению К.-Г. Юнга о психологических типах [7] наука о душе заговорила о несовместимости некоторых из них. Писатель Д. Лоуренс в одном из своих произведений показывает двух персонажей: «Силы заряды обоих – его и ее – были враждебны. Подобно двум работающим вразной фазе двигателям, они разносили друг друга» [4, с. 278]. Невербальная «метафизика» музыки конституирует «поле» психологического притяжения или отталкивания, в котором этика как знание мало что может изменить. Однако именно музыка набором своих абстрактных средств обращает личность к «категорическому императиву» Канта, обязывающему относиться к Другому всегда как к цели и никогда как к средству.

Незыблемая основа классического музыкального искусства, состоящая в единении философского нарратива, логики и собственно музыки, утратила, казалось бы, свое значение. Стравинский, Барток, Прокофьев «низвергли» музыкальный логос, обернувшись к бессознательному началу в человеке. Но современность

такова, что именно иррациональное музыкальное переистолкование «императива» становится единственным средством, способным помочь «двигателям» человеческого взаимодействия не разнестись, работать синхронно, сохраняя необходимую дистанцию – меру сближения. В противном случае последнее слово всегда будет за природой, сметающей все на своем пути. Этика, нравственность, как некие неприродные начала, ничего не смогут сделать с этим.

В том как раз и состояла иллюзия Просвещения: полагать, что слово может все, а оно оказывается бес-
сильным. Только XX век выявил близость философии и искусства как двух типов познания человека и мира, двух разных языков, дополняющих друг друга и не нуждающихся друг в друге. Философия давала графику, рисунок, черно-белое изображение, скелет, конструкцию, идею, логос. Искусство давало цвет, оттенки, звуки, нюансы, отсутствие которых обрекает философский дискурс на неполноту и частичность. Современной философии необходима экстра-чувствительность, экстра-сенситивность искусства и художественных практик вообще, ибо «сети» рационального анализа оказываются решетом, которое не способно удержать все. Отыскивая и вылавливая «истину», оно позволяет безвозвратно «утечь» чему-то очень важному для ее понимания. И наоборот, поздние произведения Бетховена превратились в сложнейшую философию, чей содержательный потенциал в чем-то превзошел интеллектуальную планку рубежа XVIII-XIX столетий.

Поэтому не случайно, что теперь философия пытается вернуть в свое лоно ранее исключенное из анализа. Экзистенциальное философствование становится основной концептуальной доктриной, задача которой – «выразить невыразимое». И музыка в данном контексте играет совершенно исключительную роль эмоционального камертона философского суждения.

Как сказал Д. Мережковский, «музыка делает человека не злым и не добрым, она делает его другим, меняет его природу... Человек “выходит из себя”, пьянеет. И в этом опьянении – какая-то древняя и новая, вечная, трезвая мудрость, самое точное познание “каких-то новых возможностей”. Как будто музыка под обыкновенное, ограниченное, человеческое, настоящее “я” подставляет другое, чуждое, безграничное, не человеческое, ненастоящее, но, может быть, прошлое и будущее, вечное, истинное. Это вообще самое глубокое опьянение, какое только есть у людей» [5, с. 96].

Музыка не просто способна передавать переживания человека, накал его чувств, нюансы эмоционально-психологических состояний, ритм их смены и темп взаимопереходов. Она оказывает мощнейшее психологическое воздействие на личность, причем это происходит без посредства слова. Более того, «музыкальный язык» способен отразить, передать смоделировать явления, конкретная форма которых не обнаруживается в бытии. И в то же время музыкальная гармония, композиционная взаимосвязь элементов и этическая направленность стимулируют в человеке глубинную потребность понять окружающий мир, свое место в нем, роль Другого. Поэтому система музыкальной коммуникации способна создать особую психотерапевтическую ситуацию. Она позволяет человеку стать и «врачом-психотерапевтом», и «пациентом». Врач и пациент постоянно меняются местами, существуя в едином пространственно-временном континууме.

Музыка способна представить явление этического продуктивно и чуть ли не зримо, поскольку скорость «протекания процессов» в ней сопоставима со скоростью света благодаря безостановочной работе воображения и всего поля эмоций. Музыкальная культура неоднократно это демонстрировала, с характерным для нее кассандровским началом: не только предчувствуя, но и воплощая это предчувствие в «многокрасочном», полифоническом пространстве с присущими только ему ассоциациями.

Способность к сопереживанию развивается и поддерживается музыкальным строем, вплетенным в суть человеческих отношений. Встреча с музыкальными образами обращает личность к самым высоким свершениям человеческого опыта, отраженного в мелодии, ее тональности и ритме. Диапазон моделей отношения человека и окружающего его мира, содержащийся в музыкальном искусстве, предельно широк. Этот ряд насыщен множеством оттенков, нюансов, тончайших различий в эмоциональных состояниях, познание которых ведет к внутренней дифференциации сострадания и безжалостности, кротости и агрессии, мужества и малодушия...

Предельная обобщенность и универсальность языка музыки таковы, что, минуя разум, они вызывают к человеческой душе, затрагивая в ней самые существенные струны. Погружение в мир музыки осуществляется постепенно. Первое, через что проходит человек, – собственно эмоциональное постижение ее «содержания» и лишь затем самоидентификация во внутриличностном мире интонаций нравственного строя. Так музыка оказывается включенной в формирование человеческого чувства сопричастности миру.

«Цвета» музыки окрашивают состояния человека, его переживания, чувства, эмоции: любовь и ненависть, совесть и бессовестность, благоговение и неуважение... Проникая в самые потаенные пласты самосознания, музыка обостряет, делает более четким, контрастным восприятие сложнейших перипетий бытия.

Но что сильнее: музыка или прагматизм современной цивилизации? Разумеется, на данный вопрос не может быть универсального ответа. Однако вот что является достаточно очевидным. В философии XX века возникла целая совокупность концепций, подвергающих критике материальные ценности, довлеющие над духовной жизнью. Одно из самых впечатляющих мест этого направления метафизики состоит в выявлении признаков духовной болезни индивида. Человек с «дефектностью» нравственного опыта, состоящего в подмене нравственной мотивировки выбора прагматическими аргументами, подобен хамелеону. Он с детства может выработать душевный склад, который при поверхностном наблюдении легко принять за характер. В действительности этот человек – всегда раб своих страстей, пленник душевных механизмов, лишенных духовного измерения. Влачась в противодуховных страстях, он выговаривает свою природу в соответствующей идеологии, радикально и всесторонне отражающей его «нравственный идиотизм» [3, с. 243]. Наиболее существенные внешние проявления подобного уклада духовного строя – агрессия и склонность к насилию.

Т. Адорно полагал, что авторитарный тип личности, как правило латентный, выявляется тремя признаками. Это конвенционализм (ориентация на общепринятые нормы и правила), авторитарное раболепие (мазохистский компонент), авторитарная агрессия (садистский компонент). В реальности их сочетание и доля каждого из них в конкретном индивиде может быть различной. Однако при всех возможных сочетаниях авторитарный тип характера отличает одна особенность: недостаточная интеграция моральных законов, по которым живет индивид, с остальной структурой характера.

Динамика взаимоотношений между Я (совокупность различных функций самоконтроля и самовыражения индивида), Сверх-Я (Совесь) и глубинными слоями структуры характера нарушается. Слабость интеграции моральных законов или отсутствие интеграции приводит к умиранию «Я», к превращению «Я» в чужеродное тело, поскольку исчезает фундаментальная функция самоконтроля. Характерная для авторитарной личности слабость «Я» проявляется в антиинтрацепции – позиции нетерпимости и неприятия субъективного чувственно-эмоционального мира, основанного на воображении, фантазиях, размышлениях, желаниях. Место культуры самоанализа занимает культ «последнего императора» – вождя, «подлинного» лидера любого происхождения. Все это легко превращает человека в объект манипулирования, а объект поклонения наделяется чертами «сверхчеловека». Неудивительно, что в реальных исторических обстоятельствах внедрялся схожий спектр запретов на культуротворческую установку древнего принципа «узнай самого себя»: от гонений на генетику и кибернетику до включения в авангард «изгоев» целых разделов этики, эстетики, психологии, психоанализа, социологии...

Динамика признаков авторитарной личности включает еще два феномена: «культ силы» и «культ власти». В предельных значениях они проявляются в «чрезмерном акцентировании мотивов власти в человеческих отношениях, в предрасположенности рассматривать их в таких категориях, как слабый – сильный, превосходящий – уступающий» [1, с. 61], «великий» учитель – ученики, последователи и т.п. Подчиняясь власти, индивид полагает, что принимает в ней участие, ибо «близость» к власти, знание лидера, дружеские отношения с ним создают не только иллюзию приобщения к «сотворению» значительности происходящего, но и принадлежности к особой группе, элите, команде лидера, а следовательно, чувства превосходства над другими и пренебрежения к ним. Важнейшим сопутствующим элементом является факт генерализации враждебности, основанной на кажущемся «онтологическом» презрении к людям, что устраняет необходимость чувствовать себя ответственным за агрессию и стыдиться ее.

Наивно полагать, что доминирование данного типа личности можно компенсировать средствами музыкального искусства. Но музыка помогает каждому желающему того утвердиться в собственном нравственном решении. Образы музыки подпитывают мужество достоинства и терпения: в способности «выстоять», «достоять» и предпочесть открытому сражению благо «недеяния». Не из страха или трусости, но из благородного стремления к толерантности, предполагающей никогда не отвечать злом на зло, агрессией на агрессию, не опускаться до архаического понимания силы, неотделимого от закона мести. «Все великое достоинство человека заключается в том, что он властен сам устанавливать для себя определенные моральные ценности и жить, как если бы он был, подобно персонажу пьесы, раз и навсегда застрахован от всераствляющего натиска времени» [6, с. 11].

Этика, апеллирующая к силе музыкального воздействия, вряд ли изменит мир. Но она помогает безрассудочно обнаружить, выявить тупики и парадоксы затянувшегося кризиса культуры и кризиса человека. Ставшее явным помогает освободиться от группового гипноза, властно заставляющего человека не быть, не исполниться в истории, а пребывать – с нарушенными психикой и исторической памятью. Ясность осознания совести дает понимание того, что в нескончаемых попытках разубить «гордиев узел» единства природы – этики – культуры «окончательный приговор» принадлежит природе, которая с сокрушительной мощью самоустановления будет сметать на своем пути все в ответ на насилие.

Список источников

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012. 473 с.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарог, 1993. 448 с.
4. Лоуренс Д. Солнце // Лоуренс Д. Избранные произведения: в 5-ти т. Рига: Изд-во МФ «Кондус», 1993. Т. 2. С. 201-283.
5. Мережковский Д. Лев Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.
6. Уильямс Т. Поиск неведомого // Уильямс Т. Что-то смутно, что-то ясно: пьесы. М.: Авантитул, 2001. С. 9-54.
7. Юнг К.-Г. Психологические типы. Минск: Попурри, 1998. 656 с.

MUSIC AS AN ETHICAL COMPONENT OF CULTURE: PERSONAL THERAPY OF EMOTIONAL ELEVATION

Golik Nadezhda Vasil'evna, Doctor in Philosophy, Professor
Saint Petersburg University
N_Golik@mail.ru

The article examines the meaning of musical art in modern culture. Numerous collisions occurring when trying to find the world's moral content created conditions for the ongoing human's spiritual crisis. Potentials of philosophical knowledge to overcome it turned out to be insufficient. Dominating pragmatism of modern civilization can be counter-balanced only by joint efforts of thinkers, artists, creators of modern art in general. Music, appealing to the individual's unconscious ethical element, is of undeniable value.

Key words and phrases: music; culture; ethics; morality; authoritarianism; pragmatism; categorical imperative.